

У КЛЕМЕНС, комедия-притча литовского драматурга Казиса Саи, ясна и прозрачна, как и положено притче. Вопрос в ней стоит так: хлеб или песня? Вопрос серьезный и в наши дни, поскольку мы нет-нет, и сталкиваемся с таким явлением, как предположение материального благополучия духовной полноте жизни. Однако в наши дни гармония этих двух начал легче достижима, чем во времена, описанные в пьесе, в нищей деревушке, которая вскладчину на последние гроши купила племенного быка красавца Клеменса. Клеменс раздражает Скалнас, сирота, воспитанный всей деревней и потому получивший прозвище Должник — всем он что-то должен. Скалнас замечательно играет на пиле и поет, а Клеменсу это почему-то не нравится. Вот так обстоят дела.

Итак, Скалнас против Клеменса. В спектакле Театра сатиры (постановка М. Микаляя) это противостояние обозначено не очень отчетливо, режиссера больше интересуют остроумные повороты сюжета, однако в пьесе именно оно представляется нам главным.

В Скалнase, каким его сыграл А. Левинский, на первый взгляд нет решительно ничего поэтического. Худой угловатый парнишка, нескладный и одновременно изящный, он может показаться нелюдимым, даже недобрый. Потом понимаешь, что это не нелюди-

мость, а отрешенность от мира своих односельчан, всецело поглощенных заботами о хлебе насущном; Скалнас не менее беден, чем они, но он со своей поющей пилой способен просто забыть о куске хлеба. Он живет в мире песен, и все-таки ничуть не удивляешься, когда он говорит,

КОМЕДИЯ или ПРИТЧА?

что корни его здесь, в этой земле, в этой нищей деревушке, где у него ни кола, ни двора. Все дело в том, что ему открыта душа этой земли — через песню.

Сейчас много спорят о музыкальных спектаклях в драматическом театре, и порой слышны заявления, что мол, драматические актеры не всегда умеют хорошо петь и это, так сказать, снижает впечатление. В Театре сатиры есть, разумеется, актеры, поющие лучше, чем Левинский, однако, эта его роль доказывает, что дело не в качестве пения. Левинский, в сущности, и не поет — раз два начинает песню, а хор подхватывает и заглушает его. В данном случае важное вокальное техники эмоциональное состояние актера, момент, когда песня рождается в душе человека — так вот по этому признаку Левинский безупречно

музыкален. Он внутренне преобразуется, как бы уходит в строгий и прекрасный мир песни. Перед нами романтизированный и приукрашенный «деревенский самородок», не так называемая «поэтическая натура», но подлинный художник, которому вовсе не нужно выглядеть необы-

чно. В спектакле же законы притчи соблюдаются далеко не всегда и не всеми, поэтому Скалнase приходится сражаться не только с Клеменсом, но и со спектаклем. Театральная притча требует конкретности характеров, однако именно конкретности не хватает актерам Театра сатиры — они

немаловажный оттенок в игре А. Ширвиндта отсутствует, задачу свою он видит, главным образом, в том, чтобы сыграть цивилизованного человека среди диких, не замечая того, что в чем-то весьма существенном «дикири» оказываются более цивилизованными. Вторая его роль — большой

явно, необходимо было решение метафорическое, ибо Клеменс — символ, а олицетворение символа — дело необычайно тонкое и трудное. Во всяком случае, режиссер обязан был сделать все, чтобы исключить всякую возможность смеха в зале. Слыхом, как это ни странно, «бытовыми» получилась и сражение Скалнase с Клеменсом — А. Левинский демонстрирует здесь великолепную пластику, но, следя за бросками и переворотами, мы упускаем из виду символический смысл этой кульминационной сцены.

В финале снова появляется купеческий корабль — привезли на продажу могучего племенного жеребца. Вероятно, купец снова будет требовать в залог Скалнase, но теперь жители деревни, кажется, кое-чему научились. На полумаске сцене ярким светом загорается пила музыканта, как вечный, неугасимый огонек песни, искусства, таланта. Вот об этом, собственно, и шла речь в пьесе — о таланте, о художнике, который терпеливо и мужественно пел свою песню, не обижаясь на односельчан даже тогда, когда им казалось, что они и без песни проживут. Этот огонек не всегда светит в спектакле, временами он затмевается банальными вспыхивающими стандартно-комедийными красками и решений — но все же вспыхивает под занавес.

Ю. СМЕЛКОВ.

мым и талантливым, достаточно быть им.

Казис Саи назвал свою пьесу комедией-притчей. В игре Левинского акцент сделан на слове «притча» — актер повествует о таланте, о художнике, который вообще-то необходим своим односельчанам, но в какой-то момент, при каких-то обстоятельствах может показаться им ненужным или менее нужным, чем что-нибудь практическое и насущное. Скалнас чуть было не променял на Клеменса — купца, привезший на продажу быка, согласился оставить его на время, а в залог взять музыканта. Мужики сначала согласились, потом наскребли все-таки денег, а потом Скалнас остался не у дел, поскольку игра на пилю Клеменсу не нравилась. В истории деревенского музыканта мало комедийного, она серьезна, драматична — Левинский играет драматическую притчу.

игруют крестьян вообще, ограничиваясь типажностью. Скалнас — из жизни, точнее, из притчи, которая являет нам концентрированный, обобщенный образ бытия. Его односельчане — из театра, точнее, из комедийного представления с элементами сатиры, жанра, обильно представленного на сцене Театра сатиры. Наиболее отчетливо этот жанр ощущается в игре А. Ширвиндта, который умеет внести стилистику «капустника», кажется, в любую из своих ролей. Здесь он играет два — обе под почти неумолкающий смех зрительного зала. Сначала — купца, который привозит на продажу Клеменса и предлагает взять в залог за быка человека. Купец далеко не второстепенный персонаж в притче и далеко не безобидный — до его появления мужики, как ни бедствовали, а все же людьми не торговали. Этот

начальник, который приезжает в деревню, чтобы вернуть суд, и осуждает на казнь ни в чем неповинного смолочура Алялюмаса. Здесь А. Ширвиндт тоже очень смешон, играет он выжившего из ума старикашку, развалину, — и опять-таки обилие комедийных красок мешает зрителю в полной мере оценить совершающуюся несправедливость. В определении «комедия-притча» актер прочитал только первое слово и уверенно сыграл комедию, в которой ко всему происходящему можно относиться чутьочку (или полностью) несерьезно.

И все бы ничего, но смех звучит в зрительном зале и тогда, когда на сцене появляется сам Клеменс (Б. Фумаритов) — огромная фигура на котурнах (они же копыта), которая должна бы быть устрашающей, но выглядит смешной. Тут, веро-